

Яньчжоу был обширным, но малонаселенным краем: из-за непрекращающихся войн погибшим не было числа, и жителей всегда не хватало. Если бы события и впрямь развивались по плану Сяо Чжигэ и восставших бунтовщиков сослали в Яньчжоу, это стало бы поистине неоценимой помощью.

— Подождем вестей из Ецзина, долго ждать не придется, — Сяо Чжигэ взглянул на уставшего с дороги Се Лина и добавил: — Возвращайся и отдохни. А я пойду обрадую ванфэй: он беспокоился об этом последние несколько дней.

Се Лин понял, что это вежливое повеление удалиться, поклонился и быстро отбыл. Сяо Чжигэ же широким шагом отправился искать Ань Чанцина.

Все эти дни, пока они ждали вестей, Ань Чанцин плохо спал и часто страдал от учащенного сердцебиения. Ань Фу сварил для него успокаивающий отвар, но тот не смог сделать и глотка — его тут же вырвало. Позвали Ху Шифэя проверить пульс, но врач так ничего и не обнаружил. Каждую ночь Сяо Чжигэ до полуночи убаюкивал его, и лишь после этого Ань Чанцину удавалось ненадолго уснуть.

Когда Сяо Чжигэ пришел к нему, Ань Чанцин сидел в беседке во дворе и читал книгу.

Поскольку по ночам заснуть не получалось, а днем сонливость не приходила, он просто отыскивал все книги, которые читал прежде, и перелистывал их страницу за страницей в надежде найти хоть какую-то запись, способную помочь Сяо Чжигэ.

— Снова читаешь?

Сяо Чжигэ присел рядом и подлил ему чаю.

Ань Чанцин тихо отозвался: «Угу». Под его глазами залегли темные круги усталости, но выглядел он довольно оживленным. С радостной улыбкой он указал на место в книге:

— Я как раз собирался к князю. Взгляни вот на это.

Сяо Чжигэ взял книгу и увидел, что это сборник дорожных заметок. Отрывок, на который указывал Ань Чанцин, описывал любопытный случай, произошедший с автором.

Автор писал: «В некий день, прибыв в уезд Бай, встретил фокусника. Тот помещал порох и мелкие камни в бамбуковую трубку и мог стрелять на пять шагов. Из-за неосторожности артист положил слишком много пороха, отчего разлетевшиеся камни ранили прохожих, за что тот и был схвачен».

Раньше эта история вызывала у Ань Чанцина лишь понимающую улыбку, но перечитав ее теперь, он почувствовал, что в этом кроются огромные возможности.

Если порох в бамбуковой трубке способен выталкивать камни и ранить людей, то что, если добавить больше пороха, а мелкую гальку заменить чем-то другим? Разве это не готовое оружие для защиты от врагов?

Вот только Ань Чанцин плохо разбирался в изготовлении военного оружия, потому мог лишь сперва показать это Сяо Чжигэ.

Сяо Чжигэ пристально всматривался в эти строки довольно долго, а затем внезапно рассмеялся, сжал руку Ань Чанцина и сказал:

— Но-но и впрямь моя счастливая звезда.

Ань Чанцин немного смутился, высвободил руку, забрал книгу обратно и с притворным видом продолжил перелистывать страницы:

— Что за глупости ты опять говоришь?

Сяо Чжигэ же покачал головой и серьезно произнес:

— Но-но не знает, но когда я изучал труды Тай-цзу, там упоминалось подобное оружие на порохе. Лишь из-за того, что во время своего правления Тай-цзу не успел завершить разработки, а потомки не унаследовали его волю, дело заглохло.

Только сейчас, когда Ань Чанцин указал на эту запись, Сяо Чжигэ снова вспомнил тот отрывок и подумал, что попытка действительно стоит того. Пусть у Тай-цзу не вышло, но это вовсе не значит, что не получится и у него. Если замысел удастся осуществить, у Яньчжоу появится еще один козырь.

Не ожидавший, что и впрямь сможет помочь, Ань Чанцин от волнения даже слегка порозовел:

— Правда?

Сяо Чжигэ кивнул:

— Завтра же созову военных мастеров, пусть займутся исследованиями.

Увидев, как тот расцвел от радости, Сяо Чжигэ добавил:

— Есть еще одна хорошая новость, которую я не успел сообщить: дело с «отравлением» улажено. Если не произойдет ничего непредвиденного, около десяти тысяч воинов армии «Байдин» из Сышуя будут «сосланы» сюда, в Яньчжоу.

Улыбнувшись, Сяо Чжигэ ласково погладил Ань Чанцина по голове и тихо спросил:

— Теперь-то Но-но сможет спокойно уснуть?

Глаза Ань Чанцина блеснули, но, услышав этот вопрос, он упрямо пробормотал себе под нос:

— Я ведь не только из-за Сышуя переживал... Просто никак не спалось.

Этот разговор возникал уже не в первый раз и каждый раз заходил в тупик, поэтому Сяо Чжигэ мудро не стал спорить, а лишь понизил голос:

— Ничего. Ху Шифэй приготовил новую мазь, так что сегодня ночью Но-но точно сможет сладко выспаться.

Ань Чанцин бросил на него сердитый взгляд и, вспыхнув до кончиков ушей, уткнулся в книгу, про себя ругаясь: «Лицемер!»

Примечание автора:

В ту же ночь

Сонсон: Новая мазь лучше, чем ягнячий жир.

Но-но: ...

Когда докладная записка третьего принца прибыла в Ецзин, при дворе вспыхнула новая волна споров о том, как поступить с бунтовщиками из армии «Байдин».

Большинство придворных сходились во мнении, что мятеж — это тягчайшее преступление, и его ни в коем случае нельзя спускать на тормозах. Иначе, если другие последуют их примеру, в стране начнется хаос.

Император Аньцин был полностью со всеми согласен. Но вопрос заключался в том, как именно их наказать. Армия «Байдин», лишившаяся своего главного предводителя, выразила готовность сдаться, однако без твердых гарантий со стороны двора они не сложили бы оружие так просто. Казнить столько народу было невозможно, а запереть в тюрьмы — не хватило бы места во всех темницах.

Чиновники один за другим предлагали свои замыслы, споря до хрипоты и покрасневших лиц.

Когда император Аньцин окончательно потерял терпение, вперед выступил юйши-дафу Цзи Аньминь и изложил свое мнение.

Во-первых, нельзя давать спуску главным предводителям армии «Байдин». Пусть оба и бежали, следует выпустить указ об их розыске и поимке. Во-вторых, большинство простолюдинов вступило в армию «Байдин», поддавшись подстрекательству злодеев. Как говорится, закон не карает толпу; даже ради успокоения народа наказание не должно быть чрезмерно суровым.

У императора Аньцин разболелась голова:

— И как же, по мнению дорогого министра, их следует наказать?

— Не лучше ли сослать этих бунтовщиков из армии «Байдин» на границы для охраны рубежей?

Господин Цзи говорил убедительно и обоснованно:

— Сучжоу расположен ближе всего к Яньчжоу. К тому же Яньчжоу невероятно обширен и там размещены крупные войска, так что эти мятежники вряд ли осмелятся снова сеять смуту. Таким образом, мы и покажем другим пример, дав суровый урок, и одновременно отправим этих бунтовщиков осваивать целинные земли на границе. Это послужит на благо государству.

Ссылка как наказание существовала во все времена, и за столь тяжкий грех, как мятеж, приговор к ссылке считался даже снисходительным. Но это как раз позволяло проучить остальных, не вызывая озлобления у народа в других землях, и явить миру милосердие Его Величества.

Император Аньцин немного подумал и решил, что решение отличное. Он немедленно приказал составить священные указы и отправить их в Сучжоу и Яньчжоу.

Находясь далеко в Сучжоу, третий принц потемнел в лице, едва прочитал императорский указ. Он заставил даоса Ляо разыграть вместе с ним этот спектакль и явился в Сучжоу лишь ради того, чтобы заработать себе заслуги. Однако стоило ему прибыть, как мятежники уже сами сдались Шэньту Сюю. И пусть даже император Аньцин потакал ему, записать эти заслуги на счет третьего принца теперь никак не удавалось.

Холодно смерив взглядом Шэньту Сюя, третий принц взмахнул рукавом:

— Раз дело улажено, поручаю генералу Шэньту отрядить войска для конвоирования бунтовщиков. А я возвращаюсь в Ецзин с докладом.

Шэньту Сюй теперь откровенно побаивался его, поэтому, увидав, что тот собирается уезжать, наконец облегченно вздохнул и с глубоким почтением остался провожать его взглядом.

Кому радость, а кому печаль. Покуда третий принц в подавленных чувствах возвращался в столицу, в Яньчжоу только-только прибыл императорский указ. Узнав, что к ним высылают почти десять тысяч уцелевших мятежников из армии «Байдин», военачальники расплылись в счастливых улыбках.

— Надо же, Ецзин сам присылает нам людей!

Яньчжоу был велик, а из-за того, что в прошлые годы Бэйди часто прорывали оборону и сеяли смерть, здесь осталось множество заброшенных домов. Так что опасаться недостатка жилья не приходилось. Все воодушевленно потирали руки в ожидании прибытия поселенцев.

Ань Чанцин тоже погрузился в хлопоты.

В последние дни Сяо Чжигэ непрестанно размышлял о расширении Яньчжоу. С тех пор как он взял управление городом в свои руки, жизнь здесь постепенно налаживалась, однако из-за нехватки населения многие замыслы негде было развернуть. Теперь же, когда появились люди, множество дел можно было включить в список первоочередных задач.

Помимо постройки внешней городской стены, требовалось разметить целинные земли внутри города, чтобы в будущем распахать их и засеять зерновыми культурами. Но как именно осваивать эти пустоши, как распределять их после распахки, как подвести оросительные каналы и каков будет размер налога... Обо всем этом еще надлежало подробно договориться и разработать свод правил.

Нижестоящие чиновники принесли свои предложения, составленные по образцу других округов, однако Сяо Чжигэ остался недоволен. Зато слова, сказанные Ань Чанцином во время их неспешной беседы в поместье, пришлись ему по душе.

Тогда Ань Чанцин сказал следующее:

— Вместо того чтобы издавать указы и принуждать людей осваивать целинные земли, лучше сделать так, чтобы они сами захотели этим заняться. Прибыв в Яньчжоу, эти простолюдины неизбежно столкнутся с необходимостью кормить семьи. Но собственной земли у них нет, а имеющихся в Яньчжоу полей на всех не хватит. Почему бы не поощрить их самостоятельно выбирать и распахивать пустоши? Зарегистрировать каждую семью: сколько целинной земли двор взял на себя, столько и обязан распахать до десятого месяца. Все освоенные наделы перейдут в собственность самих крестьян, да еще и с освобождением от налогов на два года.

В таком случае люди будут трудиться ради собственной выгоды, а значит, станут работать куда охотнее, чем по принудительному приказу.

Сяо Чжигэ посчитал эту задумку крайне перспективной, а поскольку среди его подчиненных не нашлось подходящего человека для подобного поручения, он просто передал составление правил Ань Чанцину. Поначалу тот растерялся: в конце концов, за две жизни ему ни разу не доводилось вершить великие дела, и хотя он был весьма начитан, все его знания оставались

чисто теоретическими.

Но теперь, когда его действительно заставили взяться за дело, он одновременно и боялся не справиться, и чувствовал, как в нем закипает воодушевление.

<http://bllate.org/book/18381/1767800>